За нашу Советскую Родину!

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

В помощь агитатору для бесед с молодыми краснофлотцами

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ КРАСНОФЛОТЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Выпуск III

ТОРПЕДИСТЫ И МИНЕРЫ

8462/м.

Фундаментальная
Военно-научная
[illegible] ВМ

1945

359.148
Б-75

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

В состав настоящего сборника вошли статьи и очерки, напечатанные в газетах «Красный флот», «Красный Балтийский флот», «Красный черноморец», «Краснофлотец», «Красный амурец», «Подводник Балтики», в сборниках и листовках политуправлений флотов и Главного политуправления ВМФ за период с 1942 по 1945 г.

Из истории минного и торпедного оружия

Еще в древние времена, когда в морских боях применялись метательные машины, бросавшие тяжелые камни в неприятельские корабли, борты кораблей укреплялись особенно прочными породами дерева и толстой кожей. Такая защита оберегала корабли от снарядов метательных машин. Уже тогда моряки понимали, что наиболее эффективен удар по подводной, ничем не защищенной части корабля. Появилось новое оружие, получившее название тарана, рассчитанное на поражение подводной части вражеского корабля. Таран — это длинный, очень крепкий и острый бивень, укрепленный в носовой части судна, с помощью которого корабль наносил удар неприятельскому судну.

В VII в. до нашей эры в Византии пытались заменить таран боевым зажигательным веществом, которое назвали «греческим огнем». По преданию, сосуды с «греческим огнем» пускались по течению на вероятном пути неприятельского флота. Предание также гласит, что китайцы, которые первыми изобрели порох, пытались использовать его в зарядах, которые пускали по течению рек. Когда в Европе появился порох, у моряков возникла такая же мысль — подводить пороховой заряд под неприятельский корабль. Задача эта для тех времен оказалась очень трудной. Первая попытка применения примитивной поверхностно плавающей мины относится к 1585 году. Испанцы тогда осаждали Антверпен — город, расположенный на реке

Шельде. По реке к осажденным проскальзывали транспорты с продовольствием и боеприпасами. Испанцы решили загородить Шельду и построили мост. Чтобы разрушить этот мост, осажденные пустили вниз по течению реки две большие плавающие мины. Каждая из них представляла обыкновенную речную баржу средних размеров. Внутри нее помещался громадный резервуар, наполненный порохом, сверху которого были нагромождены тяжелые каменные плиты, чугунные пушечные ядра, глыбы мрамора и т. д. В зарядах имелись специальные взрыватели. Одна из мин дошла до моста, взорвалась и разрушила его.

Много времени спустя, во время американской войны за независимость, появилась настоящая мина. Изобрел ее американец Бушнелл в 1775 году. Снаряд-мина был оборудован часовым механизмом и с помощью специального приспособления скрытно подводился к днищу неприятельского корабля и прикреплялся к нему. Но все попытки американцев применить это новое оружие кончились неудачей. Недостаточно совершенными были приспособления для доставки мины под водой и прикрепления ее к днищу корабля. Бушнеллу пришлось ограничиться использованием своих мин в виде пловучих снарядов, пущенных по течению рек.

Через 25 лет после Бушнелла задачу нанесения подводного удара в заранее намеченный вражеский корабль пытался решить американец Фультон, но и ему не удалось этого сделать. Тогда Фультон предложил использовать мины в качестве оружия, заграждающего подходы к охраняемым берегам. Это предложение также не имело успеха.

8 июня 1855 г. в разгар Восточной войны к Кронштадту приблизилась неприятельская эскадра. Никто на эскадре не ожидал опасности. Но когда флагманский корабль «Мерлин» вышел на траверз Кронштадта, экипаж его почувствовал резкий толчок, словно корабль наско-

чил на препятствие. Раздался глухой взрыв. Новый, еще более сильный толчок снова потряс судно. Не успели матросы и офицеры на «Мерлине» понять, что случилось, как шедший за ними корабль тоже подскочил в воде. Кроме того, подорвались еще два корабля. Корабли отделались незначительными повреждениями, но впечатление от русских мин осталось очень сильное.

Оказалось, что русские моряки раньше англичан и французов оценили силу подводного удара. В России в то время жил и работал известный физик, академик Б. С. Якоби. Страна нуждалась в оружии против сильного на море врага. Наука пришла на помощь морякам, и Якоби сконструировал якорную мину. Такие мины устанавливались недалеко от берегов на вероятном пути неприятельских кораблей. Веревка с якорем удерживала мину на одном месте на такой глубине, чтобы подводный снаряд не был виден на поверхности моря. Когда корабль соприкасался с миной, заряд воспламенялся и следовал взрыв.

Прибрежные районы у Кронштадта и Свеаборга были усеяны такими подводными «сюрпризами». Мины эти были хорошо сконструированы и действовали безотказно.

Так русские моряки и ученые первые практически решили задачу подводного удара.

Боевые успехи этого нового оружия резко подвинули вперед всю технику минного дела.

Применение мин во время русско-японской войны показало, что минное оружие прочно входит в арсенал наиболее грозных средств борьбы на море.

Эту оценку еще больше подтвердила боевая практика первой мировой войны. Свыше четверти миллиона мин было поставлено тогда воюющими странами.

Около 200 боевых кораблей и более 600 торговых судов погибло на минах за четыре года первой мировой войны.

Наиболее подготовленными к первой мировой войне пришли русские минеры, славившиеся редким мастерством, мужеством и отвагой. Конструкция наших отечественных мин отличалась и тогда особенно высокими боевыми качествами.

В наши дни техника минного оружия очень сложна и разнообразна. Появились магнитные, акустические мины, в которых использованы все новейшие достижения науки и техники.

Советские минеры, достойно продолжая славные боевые традиции русского флота, в дни Великой отечественной войны показали образцы высокой боевой подготовки, мужества и новаторства как в применении минного оружия, так и в борьбе с разнообразными минами врага.

Наряду с развитием минного оружия в разных странах уже давно настойчиво работали над созданием и активного оружия, предназначенного для поражения подводной части корабля. Развитие артиллерии вызывало усиленное бронирование бортов и палуб кораблей, поэтому удар, направленный на подводную часть корабля, приносил бы наибольший эффект.

В январе 1878 года по всему миру разнеслось сенсационное сообщение: два русских катера впервые в практике морской войны потопили самодвижущимися минами турецкий сторожевой корабль.

Произошло это на Черном море, недалеко от входа в Батумский порт. Командир русского корабля «Константин» С. О. Макаров, впоследствии прославленный адмирал, узнав о сосредоточении в Батуме турецких кораблей, за несколько километров до порта спустил на воду два катера — «Чесма» и «Синоп», вооруженные самодвижущимися минами. Катера незаметно подошли к турецкому сторожевому кораблю, охранявшему вход в бухту, и с расстояния примерно 60 метров выпустили самодвижущиеся сигарообразные снаряды. Вскоре люди на катерах

услышали взрывы, страшный треск, и корабль противника быстро исчез под водой.

Хотя еще задолго до этого события в разных странах делались неоднократные попытки нанесения направленных ударов по подводной части корабля с помощью шестовых мин, подводных пушек, называемых «колумбиадами», метательных мин, все они не приносили существенных результатов. И только русские моряки первыми сумели освоить и применить в бою новое грозное оружие — самодвижущийся снаряд, который после многих усовершенствований с большим успехом применяется в наши дни под названием торпеды.

Это название придумал еще американский ученый Роберт Фультон, пытавшийся в свое время решить задачу направленного подводного удара. Он дал своей мине название «торпедо» по сходству ее действия с ударом электрического ската — морского хищника (которого натуралисты называют «торпедо»), убивающего свою жертву электрическим ударом большой силы. Это название и привилось самодвижущейся мине.

Идея такого снаряда была предложена в начале шестидесятых годов прошлого века капитаном австрийского флота Луписом. Но все его опыты окончились неудачей, и Лупис обратился за помощью к англичанину Роберту Уайтхеду.

Роберт Уайтхед сконструировал снаряд, похожий на большую рыбу, длиной в 3 *м*, диаметром 35,5 *см*. Этот снаряд весом в 135 *кг* двигался под водой со скоростью 7—8 узлов с помощью двигателя, работающего от сжатого воздуха, и нес в себе примерно 8 *кг* взрывчатого вещества.

Мина Уайтхеда была оборудована сложными механизмами, но все же они страдали большими недостатками, и этой торпедой было трудно попасть даже в неподвижный корабль с короткой дистанции. Но для своего вре-

мени это изобретение было большим достижением техники.

Десятки лет, прошедшие с момента изобретения торпеды, люди непрерывно работали над ее усовершенствованием. Современная торпеда представляет собой сложный самодвижущийся снаряд, имеющий сильный двигатель. Со скоростью, достигающей 50 узлов, она несет в себе на расстояние свыше 10 *км* до 400 *кг* мощного взрывчатого вещества. Тончайшие механизмы и приборы обеспечивают высокую точность торпедного залпа. Известно даже, что в некоторых флотах имеются торпеды с неконтактными взрывателями, вызывающими взрыв под днищем корабля без соприкосновения торпеды с кораблем.

Торпеда является основным оружием подводных лодок, торпедных катеров и торпедоносной авиации. Торпедами вооружены эсминцы, крейсера и даже на некоторых линейных кораблях имеются подводные торпедные аппараты.

В дни Великой отечественной войны в боях на море с немецко-фашистскими захватчиками особенно эффективно использовали торпедное оружие наши подводники, катерники и летчики торпедоносной авиации. Своими точными торпедными залпами они отправили на дно сотни кораблей и транспортов противника.

Всей нашей стране известны боевые успехи прославленных мастеров торпедного удара: подводников Героев Советского Союза Иосселиани, потопившего 17 вражеских кораблей, Фисановича, Щедрина, Грешилова, Травкина, Осипова, катерников — дважды Героя Советского Союза Шабалина, под командованием которого торпедные катера уничтожили 10 фашистских кораблей, Героев Советского Союза Осипова, Гуманенко, Рогачевского, Ущева, Паламарчука; летчиков-торпедоносцев Героев Советского Союза Борзова, Бунимовича, Балашова, Шкаруба, Черниенко и многих

других героев, чье мужество, отвага и мастерство отмечены высокими правительственными наградами.

Велики успехи советского торпедного и минного оружия в отечественной войне. От ударов наших торпед, от взрывов мин, поставленных советскими моряками, немцы понесли огромный урон.

Родина достойно отметила боевые заслуги моряков. Многие соединения, части и корабли нашего флота умелым использованием торпедного и минного оружия завоевали себе громкую славу. Орденом Красного Знамени и орденом Ушакова I степени награждены бригада подводных лодок и Печенгская бригада торпедных катеров Северного флота; двумя орденами Красного Знамени — бригады торпедных катеров Черноморского флота. 1-й и 9-й гвардейские минно-торпедные авиационные полки награждены орденами Красного Знамени.

Минный заградитель «Марти» Краснознаменного Балтийского флота удостоен гвардейского звания.

Гвардейское звание и высокие правительственные награды заслужили своими боевыми делами экипажи многих подводных лодок, эсминцев и тральщиков нашего флота.

В многочисленных победах советского торпедного и минного оружия велика заслуга и наших славных торпедистов и минеров, готовивших торпеды и мины, обеспечивших безотказность действия всех механизмов этого оружия. Торпедистам и минерам родина доверила мощное морское оружие, и они своим самоотверженным трудом, мужеством и отвагой в боях с честью оправдали доверие родины. Много ярких, незабываемых страниц вписали люди этих специальностей в историю Великой отечественной войны. В боях на море и на суше они показывали образцы дисциплины, героизма и воинского мастерства. О боевых делах торпедистов и минеров в дни Великой отечественной войны и рассказывается в этой брошюре.

Боевой счет открыт

Эсминец шел вблизи берега. Командир отделения Фокеев и сигнальщик Онохов стояли на ходовом мостике, вглядываясь в даль. Впереди в туманной дымке вырисовывались окаймленные льдом гранитные берега. Была большая волна, над морем бушевали снежные заряды.

Командир эсминца стоял рядом с рулевым. Смотровые окна мостика, запорошенные снегом, покрылись ледяной коркой. Командир не спал уже двое суток. Он почти непрерывно находился на мостике.

— Силуэт подлодки с правого борта! Курсовой!..— крикнули одновременно Онохов и Фокеев.

В следующий момент подводную лодку увидел и командир. Совсем близко среди перекатывающихся серых холмов показался узкий зеленоватый горб с вытянутым вверх перископом. Рубка мелькнула лишь на мгновение и снова скрылась в волнах.

Враг выдал себя! Он, видимо, собирался выйти в атаку, но рулевой не удержал лодку на нужной глубине, волна выбросила ее на поверхность. Теперь секунды решали исход боя.

— Полный ход! — передал командир в машину.

Машинисты дали самый полный. Корабль рванулся вперед, в сторону скрывающегося врага. Минер Петр Осипов стоял наготове возле поста сбрасывания глубинных бомб.

— Атаковать подлодку! — прозвучала команда.

Корабль врезался в волны. Бурун за кормой закрутился сильнее. Черные цилиндры глубинных бомб лежали в обойме стеллажей.

Волна шумно окатила Осипова с ног до головы. Шуба и валенки отяжелели. Сбросив меховые рукавицы,

он начал освобождать бомбы, затем дернул рычаг. Первая глубинная бомба исчезла за кормой. Их нужно бросать не переставая! Они должны лечь так, чтобы лодка не смогла укрыться от их разрывов!

Корабль пронесся над местом погружения лодки.

Командир отделения торпедистов Иванов и два краснофлотца бросились на помощь к минеру. Осипов обмороженными руками хватал в охапку скользкие бомбы. Командир приказал повернуть и снова пройти по месту бомбежки. До сих пор эсминец шел по волне, теперь, повернув против нее, он взлетел на огромный вал.

— Так держать! — приказал командир.

Рулевой крепко сжал штурвал. И вдруг волна хлынула на мостик, выбила смотровое стекло и рухнула неудержимым потоком. Водяной вихрь сбил с ног помощника и командира БЧ-III. Несколько мгновений весь эсминец был под водой. На юге Осипов и Иванов успели укрыться за металлические выступы, за поручни щита пушки. Корабль зарылся в черную клокочущую бездну меж двух огромных валов, но снова вырвался наверх и пошел к тому месту, где только что велась бомбежка. Кругом катились маслянистые высокие волны. На одной из них забелели листки бумаги, мелькнули обломки футляра, всплыла какая-то сумка — последние воспоминания о вражеской подводной лодке. Все это на минуту выбросило и снова поглотило море.

— Открыли счет! — удовлетворенно сказал Онохов.

Когда кончилась боевая тревога, Осипов пошел к корабельному медику. Застенчиво улыбаясь, он протянул военфельдшеру свои обмороженные распухшие пальцы.

— Пальцы что-то не действуют, — сказал он. — А нужно новые бомбы в стеллажи закладывать. Отремонтируйте мне руки, товарищ военфельдшер!

Подвиг минера Буяльского

В неравном жестоком бою с врагом катер-охотник старшего лейтенанта Романова получил серьезные повреждения, потерял ход. Ему угрожала гибель.

Кругом было пустынное зимнее море. Но в эти грозные минуты моряки не упали духом. Североморцы, оставшиеся на залитой кровью палубе, вступили в борьбу с неумолимо надвигающейся смертью.

По колени в ледяной воде, судорожно цепляясь за рукоятки пушки, боцман Прихожай бил из нее по удиравшему врагу. А палуба кренилась все больше и больше. Израненный катер беспомощно прыгал на волнах, захлестываемый тяжелыми накатами волн.

Боцман бросил свой спасательный пояс находившемуся за бортом слабеющему старшине 2 статьи Лемешко.

Краснофлотец Гетман спас еле державшегося на воде контуженного офицера Воронина. Более крепкие моряки всячески помогали своим израненным товарищам. И в этом тяжелом, казалось, безнадежном положении над морем зазвучала старинная матросская песня «Варяг». Продолжая борьбу со стихией, моряки пели вдохновенную песню о матросской доблести и бесстрашии. А высоко над тонущим катером ветер развевал полотнище советского военно-морского флага. Флаг этот как символ родины осенял героев. Каждый готов был погибнуть во имя спасения товарищей. Так именно и поступил краснофлотец минер Михаил Буяльский. Он славился на корабле своим веселым характером, отвагой и образцовым несением службы. Не одну серию глубинных бомб сбросил Буяльский в море во время охоты за вражескими подводными лодками.

Хорошо зная свое оружие, он более чем кто-либо другой понимал, что теперь глубинные бомбы, приведенные в боевую готовность, могут принести смерть его же

товарищам. Если катер затонет, бомбы начнут рваться, превращая море в кипящий котел, тогда все, кто останется на воде, неизбежно погибнут.

«Спасти товарищей, спасти во что бы то ни стало; погибнуть самому, если нужно, но спасти товарищей», — эта мысль не покидала Буяльского.

Минер взялся за дело. Привычными, точно рассчитанными движениями он приводил в безопасное положение одну за другой глубинные бомбы, остававшиеся еще на корме. Одиннадцатая, двенадцатая...

Одну бомбу Буяльский не успел разрядить. Она сорвалась с кормового среза, ушла в море и взорвалась на глубине. Спасая жизнь своих товарищей, Буяльский погиб на боевом посту.

Его подвиг воодушевил моряков катера. Долго продолжалась эта героическая борьба со стихией. Но вот на горизонте показались белые буруны. Советские катера спешили на помощь товарищам. Моряки катера офицера Романова были спасены. Закоченевшие, в негнувшейся, покрытой льдом одежде, поднимались они на палубы подошедших катеров.

Боцман Прихожий, комендор Гетман, рулевой Кузьмин, минер Аверьянов и моторист Исаков поддерживали раненых и ослабевших товарищей.

Экипаж небольшого корабля с честью выдержал жестокое испытание и своим мужеством вписал яркую страницу в историю Великой отечественной войны.

Минеры-севастопольцы

Война обрушилась на Севастополь взрывом немецкой магнитной мины у памятника погибшим кораблям. Немцы хотели заблокировать наш флот минами, не выпустить корабли в Черное море.

Немецкая минная война была рассчитана на внезапность удара, на сложность борьбы с новым видом оружия.

Немцы просчитались. План немецкой минной войны под Севастополем, как и в других боях, провалился.

Этот план сорвали черноморские минеры.

...На борьбу с немецкими минами выступили капитан-лейтенант Ефременко, инженер Лишневский, капитан-лейтенант Малов, капитан-лейтенант Богачик, капитан-лейтенант Охрименко и другие известные всему флоту специалисты. Перед ними была поставлена задача — разгадать секрет немецкой магнитной мины.

Погружаясь в воду, работая антимагнитным инструментом, рискуя жизнью, но не отступая от намеченного решения, впервые в Советском Союзе разряжает неразорвавшееся немецкое чудовище Военный инженер 3 ранга М. Иванов.

Капитан-лейтенант Ефременко и инженер-электрик Лишневский конструируют специальные тралы. Гремят взрывы, вздымая со дна моря ил; уничтожаются хитрые немецкие мины.

Петля немецкой блокады с моря прорвана. Корабли Черноморского флота свободно выходят на поддержку Одессы.

Тогда гитлеровцы пускают в ход новый тип мин. Снова десятки самолетов-миноносцев бороздят ночное небо над бухтой, в огне прожекторов мелькают голубые парашюты, не смыкающие глаз посты СНиС отмечают на картах места падения мин. И снова Лишневский и Ефременко конструируют новые тралы. Минеры Черноморского флота наносят новый удар по немцам.

Отчаявшись задушить Севастополь блокадой с моря, немцы охватывают его с суши и с воздуха. В опасной борьбе с коварным врагом гибнут смертью героев капитан-лейтенант Ефременко, инженер 3 ранга Иванов, инженер Лишневский, капитан-лейтенант Богачик. Чудом спасается от гибели капитан-лейтенант Малов.

Но Севастополь не сдается. Тысячи трупов немецких погибших при декабрьском штурме 1941 года, устилают Мекензиевы горы. Корабли поддерживают гарнизону подкрепление и продовольствие, поддерживают его огнем своих орудий. Каждый день осады дорого обходится немцам.

«Усилить блокаду с моря, не пропускать кораблей в Севастополь», — решает немецкое командование.

И немецкие самолеты сбрасывают над бухтой новые мины — такого типа, которые никогда и нигде еще не применялись.

Мины лежат на фарватере. Прежние тралы бессильны. Создается огромная опасность для кораблей. Нужно во что бы то ни стало узнать тайну новых мин. И тогда, надев водолазный костюм, спускается в ледяную воду на восемнадцатиметровую глубину минер капитан-лейтенант Охрименко.

Работать приходилось почью. Днем водолазный бот прямой наводкой обстреливали немецкие орудия. Когда терпеть становилось невозможно, водолазы поднимали из воды капитан-лейтенанта Охрименко и уходили за стены старинного Константиновского равелина. Огонь утихнет — обратно. К исходу третьих суток невероятная по степени напряжения нервов и трудности работа была закончена.

Новая немецкая мина была побеждена негнущимися от холода и волнения пальцами черноморского минера капитан-лейтенанта Охрименко.

Минная блокада прорвана в третий раз. Севастополь снова получил поддержку с моря и возможность обороняться еще в течение трех месяцев.

150 тысяч убитых, свыше 250 разбитых танков, около 300 потерянных под Севастополем самолетов стоили немцам эти три месяца борьбы, явившиеся результатом героизма защитников Севастополя и самоотверженного труда черноморских минеров.

Его биография очень проста. Закончив семилетку, Яков Кобец пошел работать на швейную фабрику. 5 лет был портным. В 1938 году его призвали на службу во флот.

«Был хорошим портным, теперь буду отличным бойцом», — дал он себе слово. И сдержал его. Специальность минера требовала много усилий.

— Смотрите, как работает Кобец, берите с него пример, — говорил командир.

Днем или ночью он одинаково быстро готовил мины и бомбы.

Потом молодого моряка послали учиться. Школу младших командиров Кобец окончил одним из лучших. Снова начались боевые будни, наполненные упорной учебой и работой. Разница была лишь в том, что теперь Кобец сам учил краснофлотцев боевому мастерству.

Началась отечественная война. В боях с немецко-фашистскими захватчиками полностью сказались знания и опыт мужественного минера.

...Оставляя бурун за кормой, катер стремительно шел вперед. Сигальщики и все находившиеся на палубе зорко смотрели вокруг. Враг хотел обмануть советских моряков. Среди пенистого буруна, стлавшегося за кормой, показался перископ немецкой подводной лодки. Фашистам не удалось провести зорких наблюдателей.

— Левый борт, курсовой 170, перископ подводной лодки, — доложил сигальщик Шмаль.

— Право на борт, полный ход, глубинные бомбы на товсь! — последовал в ту же секунду приказ.

Старшина 2 статьи Кобец и один из его учеников, краснофлотец Фундаев, быстро изготовили бомбы.

— Начать бомбометание!

Через ровные промежутки времени за кормой послышались взрывы.

— Вот вам, фрицы, получайте! — крикнул Кобец, бросая за борт очередную бомбу.

И там, где несколько минут назад виднелся перископ подводной лодки, из глубины стали подыматься пузыри. А потом на поверхности моря появилось большое масляное пятно. Лодка противника была уничтожена. В этой победе велика заслуга и минера Кобец. Он готовил и сбрасывал бомбы, потопившие вражескую подводную лодку.

За смелость и храбрость, проявленные в бою, Яков Кобец удостоен правительственной награды.

Четыре ранения

В ожесточенных боях с врагом за годы отечественной войны минер катерного тральщика старшина I статьи Иванушкин получил четыре ранения и две контузии. Это не помешало ему остаться в строю. За время службы на тральщиках его ни разу не подводила материальная часть. Тщательно подготовленными им тральными приспособлениями подорвано шестьдесят восемь вражеских мин. За отличное выполнение боевых заданий командования старшина I статьи Иванушкин имеет три правительственные награды и представлен к четвертой награде.

* * *

Однажды солнечным утром 1941 года группа бронекатеров, на одном из которых служил старший краснофлотец Иванушкин, получила боевое задание высадить десант на один из островов Ладожского озера, занятый врагом. В воздухе висел туман. Пользуясь благоприятной обстановкой, катера с приглушенными моторами подходили к вражескому берегу. Внезапность удара ошеломила врага; немцы опомнились только тогда, ког-

...ля десант был высажен на остров. На берегу завязался ...ркий бой. Рядом с катерами рвались десятки вражеских снарядов, горячие осколки градом сыпались в воду, ...ивались в надстройки. Маневрируя, ведя сильный ответный огонь, катера не уходили с боевых позиций.

Вдруг катер вздрогнул всем корпусом. Снаряд разорвался возле кормовой пушки, где в числе орудийного расчета в качестве замочного находился старший краснофлотец Иванушкин. Контуженный Иванушкин медленно опустился на палубу; на мгновение орудие прекратило стрельбу. Через несколько секунд огонь возобновился: возле орудия, преодолевая боль, стоял пришедший в сознание Иванушкин.

Когда бронекатера, выполнив задание, начали отходить, немцы усилили огонь. Все ближе разрывы вражеских снарядов, все яростней огонь с катеров.

В этот момент страшный грохот оглушил моряков; гигантская сила взрывной волны подняла и ударила Иванушкина о надстройку катера, осколок снаряда перебил левую руку. Иванушкин на мгновение потерял сознание.

Очнувшись, он опять бросился к орудию.

– Снаряды! Нужны снаряды!.. — хриплым голосом крикнул командир орудия.

Превозмогая страшную боль, борясь со слабостью, Иванушкин здоровой рукой начал подносить к пушке снаряды.

Из госпиталя Иванушкин снова пришел на боевой катер: начались новые ожесточенные бои с врагом за Ленинград.

Сообщение о высадке вражеского парашютного десанта в районе Ивановских порогов пришло в то время, когда катер выполнял боевое задание. Командир катера

решил прорваться сквозь вражеский огонь к своим. Всего в нескольких метрах черной берег, занятый немецкими парашютистами. Оттуда били по катеру немецкие минометы, строчили автоматы и пулеметы. На полном ходу, отстреливаясь из всех орудий и пулеметов, бронекатер шел вперед.

Вдруг одновременно в катер попало несколько снарядов; вышли из строя два мотора, катер [illegible]. Командир катера и механик были убиты, появились раненые. В пробоины фонтаном били вода.

Раненые мотористы — старший краснофлотец Лысенко и краснофлотец Терентьев — самоотверженно заделывали пробоины. Катер беспомощно закачался на воде, вздрагивая от близких разрывов мин и снарядов.

Раненный в ногу старший краснофлотец Иванушкин теперь лихорадочно работал один за весь орудийный расчет.

С еще не зажившими ранами Иванушкин отправился на сухопутный фронт. Вскоре в рукопашном бою он был снова ранен в левую ногу. Несмотря на ранение, Иванушкин оставался на поле боя до конца сражения.

Когда немцы были отброшены, Иванушкин попросил оставить его в строю. Его просьбу удовлетворили.

В следующем бою он еще раз был тяжело контужен и очнулся уже в госпитале.

Сколько есть еще неведомых, нерассказанных историй о боевых ранениях, отмеченных золотыми или красными нашивками на рукаве.

Каждая такая простая, скромная полоска — не статистическая отметка; это знак пролитой крови, заслуживающий глубокого уважения и восхищения.

Много обязанностей у этого небольшого корабля. Он охотился за немецкими подводными лодками, проводил транспорты, доставлял боеприпасы, высаживал десанты в тылу врага. На катере нет живого места, весь он продырявлен осколками снарядов и бомб, пулями «Мессершмиттов». Но заботливые руки моряков заделали пробоины, и только по свежей краске можно догадаться о ранах, полученных катером.

И люди плавают на нем выносливые, смекалистые, ловкие. Командир катера мичман Анатолий Малыгин — потомственный моряк.

В напряженные дни боев по нескольку суток не отходил мичман от штурвала. Много раз, маневрируя под шквальным огнем, катер, управляемый умелыми руками, прорывался сквозь огонь врага.

По командиру равняются и краснофлотцы. Минер Царев, он же пулеметчик, — первый помощник командира. За что он ни возьмется — дело у него спорится. Так же работают и все остальные.

...Как-то группа наших автоматчиков прорывалась в тыл врага. В напряженный момент боя кончились патроны, но катер Малыгина доставил патроны морякам. Свежая волна не позволяла подойти к берегу. Тогда краснофлотец Царев вызвался доставить боеприпасы на шлюпке. И когда сильной волной опрокинуло шлюпку и ящики с патронами пошли на дно, Царев стал нырять в воду и один за другим вытащил все ящики на берег.

В другой раз катер подходил к вражескому берегу. Десантники быстро выбирались из кубрика на палубу.

Вражеский берег, который едва угадывался в темноте, безмолствовал. Но вот темноту прорезали осветительные ракеты. Где-то далеко раздались глухие удары.

Просвистели первые снаряды. Била дальнобойная...

Нос катера мягко стукнулся о камни. Краснофлотцы

Царев и Варламов прыгнули в воду, быстро укрепили трап. В темноте раздался голос Царева:

— Пошел, братва!

Продвигаясь гуськом, десантники скрылись в темноте.

На рассвете, обнаружив катер, немцы открыли по нему сильный артиллерийский и минометный огонь. В это время, выполнив задачу, десантники с боем отходили к бухте, короткими автоматными очередями и гранатами сдерживая напор гитлеровцев. Судьба сражающихся на берегу моряков зависела теперь от этого маленького катера.

Шестиствольные минометы и дальнобойные батареи вели огонь по катеру, не позволяя ему подойти к берегу. Но мичман, умело маневрируя, настойчиво вел корабль к цели. Снаряды рвались близко от борта, швыряя катер из стороны в сторону. Осколки изрешетили надстройку, пробили компас, рулевую машину, но катер упорно приближался к берегу.

Спрыгнув на ходу в воду, краснофлотцы Царев и Расинов установили трап и стали переносить на палубу оружие и раненых моряков. Моторист Кочин и сигнальщик Черных били по немцам из пулеметов, прикрывая посадку.

Забрав десантников, катер дал задний ход и, прикрываясь дымовой завесой, направился в море.

Немцы вызвали на помощь авиацию. Шесть «Юнкерсов» один за другим пикировали на катер. Бомбы рвались кругом катера, взметая огромные столбы воды. Едва скрылись «Юнкерсы», из-за дымовой завесы на бреющем полете выскочили «Мессершмитты». Только они бросались они на катер, но и их атаки были отбиты.

Труженики моря

Отважный черноморский минер Александр Николаев, еще служа в торговом флоте, проявил себя мужественным, умелым моряком. Он участвовал в полярных

[illegible] Таких из Владивостока в Ленинградский порт. За этот героический рейс молодой штурман [illegible] других моряков был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Потом Панкратов служил в Краснознаменной Амурской флотилии, а в дни отечественной войны прибыл на Черноморский флот и был назначен командиром катерного тральщика.

[illegible] старшину Панкратова в штаб соединения.

— Настало и ваше время, товарищи минеры, — сказал командир соединения. — Катерные тральщики должны [illegible] проходить в занятый врагом Феодосийский порт и очистить путь для прохода остальных кораблей с [illegible].

До выхода в море оставалось несколько часов. Главный старшина Панкратов еще раз осмотрел все оружие, машины, кубрик, поинтересовался, все ли краснофлотцы отдыхали. Потом он приказал собрать личный состав. [illegible] экипаж катера был в сборе. В [illegible] командир Панкратов. Он держал в руках [illegible] Аккуратным почерком на нем было написано:

[illegible] Иосифу Виссарионовичу Сталину

КЛЯТВА

Мы получили боевое задание командования — очистить от вра[illegible] для прохода наших кораблей в Феодосийский [illegible] Родине и Вам, дорогой товарищ Сталин, что будем действовать мужественно и смело, не щадя своей [illegible] победы над врагом. Все свои силы и кровь свою мы отдадим за жизнь и счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина, за великого полководца, нашего отца и друга, любимого Сталина. Да здравствует наша победа!»

Первым подписал эту клятву Александр Панкратов. За ним поставили свои подписи все остальные члены экипажа.

...На рассвете катер Панкратова вышел выполнять ответственное и трудное задание.

Когда катер приблизился к заданному району, Панкратов приказал поставить трал.

Командир отделения минеров Сидоренко сидел на юте и внимательно наблюдал за тралом. Вдруг катер рвануло, буйки скрылись под водой и только еле заметный след тянулся за ними.

— В трале что-то есть! — доложил Сидоренко.

— Тральному расчету по местам, — приказал командир Панкратов.

Стали выбирать трал. Завертелась лебедка. Метр за метром тянулся из глубины тяжелый стальной трос. Уже кончился буксир, прошла первая кошка, вторая, третья... И вдруг на поверхности воды, всего метрах в двух от кормы, показался шар.

Старшина Панкратов громко скомандовал:

— Дать ход, мина за кормой!

Минер Сидоренко начал травить трал. Катер полным ходом пошел вперед, но в этот момент зацепили кошки и мину поволокло за катером. Она билась в буруне. Волны то подносили ее к самому перу руля, то относили в сторону.

В эту критическую минуту, когда жизнь катера и всего экипажа висела на волоске, минер Сидоренко бесстрашно бросился к полуклюзу, быстро освободил петлю спутавшегося трала и, собрав все силы, рванул кошки. Трал освободился, и мина стала быстро уходить назад.

Люди молча взглянули друг на друга, понимая без слов, от какой беды спас их отважный минер Сидоренко.

Многое можно рассказать об этом героическом походе: о том, как под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем противника катер Панкратова одним из первых вошел в Феодосийский порт, как он выполнил

свою основную задачу по траленню фарватеров и оказывал огневую поддержку десантникам.

Немало боевых подвигов совершил этот небольшой коллектив моряков. И когда на Черном море смолкли артиллерийские залпы, моряки тральщиков продолжали свою боевую работу.

...С утра до ночи находится в море катерный тральщик Александра Панкратова. Очистив от вражеских мин один участок, экипаж получает новое задание. Не раз морякам тральщика приходилось попадать в тяжелые положения. Однажды катер затралил вражескую мину. Какое-то специальное устройство ее не дало пересечь минреп. Мина тянулась за кормой.

— По носу — вторая мина! — доложил рулевой Недошивин.

Панкратов хотел уклониться вправо, но краснофлотец Сайдгалин, заметив всплывший шар, сообщил командиру:

— Справа — третья мина!

В тот же миг последовал еще один доклад:

— Слева — мина!

В такое трудное положение Панкратов еще не попадал. Уклониться было некуда: по бортам и по носу, почти вплотную с катером, то утопая, то поднимаясь на волне, колыхались мины. Назад тоже нельзя было итти — там находилась затраленная мина.

Но неожиданно эта мина взорвалась. За кормой поднялся огромный столб воды. Катер задрожал. Ни тени растерянности не видно было на лицах моряков, этих бесстрашных тружеников моря; все стояли на своих местах. Путь назад был свободен. Панкратов приказал дать задний ход и вывел корабль из смертельных тисков.

Минеры подошли на шлюпке и подорвали остальные три мины... В этот день Панкратов записал: «Экипаж катера уничтожил 31 вражескую мину».

Всего экипаж катера главного старшины Панкратова уничтожил больше 40 вражеских мин.

Родина высоко оценила боевые дела Александра Панкратова. За образцовое выполнение заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками главный старшина Панкратов награжден орденом Красного Знамени, медалями «За оборону Севастополя» и «За оборону Одессы». По две и больше правительственных наград имеет каждый член его экипажа.

Подвиг двух минеров

...До взрыва мины оставались считанные минуты, а недалеко от нее на волнах покачивался катерный тральщик. Он подошел, чтобы отбуксировать шлюпку с двумя подрывниками, но не мог дать хода: намотало на винт. И теперь катер дрейфовал прямо на мину, на которой, быстро сгорая, шипел шнур. Вот-вот тральщик и шлюпка взлетят в воздух... В эти страшные секунды раздался голос капитан-лейтенанта Волкова:

— Обрезать на мине горящий шнур!

Два гребца, налёгши на весла, рванулись к мине с такой силой, что шлюпка чуть-чуть не ударилась о нее. С затаенным дыханием следили на тральщике за гребцами. Но когда огонь был уже у самого патрона, один из гребцов ловким взмахом руки обрезал шипящий шнур.

Этот доблестный подвиг совершили минеры — старшина 2 статьи Рак и краснофлотец Товстик.

Своей храбростью и отвагой они спасли от гибели катер и его экипаж.

Произошло это 2 апреля 1945 г. на тральщике мичмана Леонгардта во время разминирования катерами капитан-лейтенанта Волкова одной из бухт Черноморского флота.

На боевой вахте Сидоренко

Тральщик капитан-лейтенанта Артамонова шел в составе большого конвоя, направлявшегося в один из наших портов. Командир отделения минеров старшина 2 статьи Сидоренко, спокойно вглядываясь в поверхность моря, стоял на юте у бомбомета. Изредка его взгляд падал на другие корабли, которые шли вслед за тральщиками.

Вдруг до слуха Сидоренко долетели слабые, дребезжащие звуки. Он насторожился и посмотрел на небо. Звук становился все явственнее, и вот в сплошной пелене облаков промелькнул силуэт самолета. Сидоренко немедленно доложил об этом на мостик. По кораблю пронесся сигнал боевой тревоги, и тотчас же грозные стволы пушек уставились в небо. Неопознанный самолет вынырнул из облаков еще раз и больше не появлялся.

Вскоре после этого на посту минеров раздался телефонный звонок. Сидоренко снял трубку и услышал знакомый голос командира корабля.

— За отличное несение боевой вахты объявляю вам благодарность, — сказал Артамонов.

— Служу Советскому Союзу, — ответил минер Сидоренко.

Старшина 2 статьи Сидоренко является примером образцового несения службы для всего экипажа корабля.

Однажды тральщик вдали от базы выполнял ответственное задание. Неожиданно старшина 2 статьи Кононов обнаружил вражескую подводную лодку. Боевая тревога подняла на ноги весь экипаж тральщика.

— Атака подлодки, большая серия, бомбы товсь! — ответил в ту же минуту Сидоренко.

У бомбометов в это время стояли минеры Антипов, Лукьянов и Волошников.

Через несколько минут за борт посыпалась первая

серия тяжелых глубинок. Вода за кормой тральщика взметнулась вверх.

Восемь взрывов насчитал Сидоренко, а через несколько минут последовал девятый, — глухой, точно подземный гул. Однако характерного фонтана на море, который появляется обычно после взрыва глубинки, не последовало. Взрыв произошел внутри подводной лодки врага.

Тральщик бомбил фашистскую лодку до тех пор, пока на поверхности моря не появились два больших воздушных пузыря. Лодка не подавала больше никаких признаков жизни. Все бомбы, сброшенные минерами тральщика на врага, взорвались. Бомбометы работали, как хороший морской хронометр: ни одной задержки, ни одного заедания. Команды выполнялись мгновенно и точно. И все это только потому, что Сидоренко и подчиненные ему краснофлотцы хорошо подготовили свой боевой пост к походу и бдительно несли боевую вахту.

В трудных зимних походах старшине Сидоренко и подчиненным ему краснофлотцам приходилось бессменно, почти круглые сутки, стоять на вахте у боевых механизмов. Бомбомегы и тралы непрерывно обмерзали. Приходилось то и дело скалывать корку льда, отогревать паром подвижные части. Но, несмотря на все трудности, вверенные Сидоренко боевые механизмы всегда были готовы к действию.

Тральщик капитан-лейтенанта Артамонова прошел сотни миль с гралом за кормой. Но не было такого случая, чтобы материальная часть отказала в работе или вышла из строя. Минеры старшины 2 статьи Сидоренко умело действовали на своих боевых постах, перекрывая нормативы, установленные инструкцией.

Безотказная работа механизмов — результат тщательной подготовки к каждому боевому походу, отличного ухода за техникой своевременного устранения повреждений, точного выполнения инструкций и наставлений.

Подчиненные минеру [illegible] во несут вахту на [illegible].

Хозяева морского фарватера

Корабль только что возвратился из [illegible] похода, как снова получил задание выйти на [illegible] в Н-ский район.

Из каюты командира [illegible] Дегтярев. Он получил [illegible] и теперь спешил передать их своим подчиненным — минерам тральщика. Придя на ют, где находилось его заведывание, Дегтярев увидел, как не успевшие еще отдохнуть от трудного похода минеры — старшина 2 статьи Жуковский и краснофлотец Салахеев — [illegible] из кладовой резаки и возились у трала.

— Вы что делаете? — спросил он.

— Как — что? Трал готовим, [illegible] на траление, — ответил Жуковский.

Минеры до вечера внимательно [illegible] каждую деталь, готовясь к ответственному походу. Командиру минной боевой части тоже не сиделось в каюте. Он вышел на ют и, проверив работу минеров, еще раз рассказал им о задачах предстоящего похода.

Рано утром корабль вышел в море. Когда пришли в заданный район, прозвучал сигнал боевой тревоги. Началась постановка трала. Минерам пришлось работать в трудных условиях: море было неспокойно, стоял сильный мороз. Краснофлотцы Косилевич, Тугарев, Арефьев, Елотов и другие, чтобы успешно поставить трал, работали без рукавиц. Руки коченели от холода, но моряки не обращали на это внимания.

Но вот трал поставлен. Корабль начал «пахать» морские просторы.

— Справа по носу мина, — доложил краснофлотец Пыхтин, заметив вытраленную впереди идущим кораблем

мину. Затем старшина 1 статьи [illegible] обнаружил вторую мину. [illegible] отворачивая от мин, продолжал свою трудную работу. Так галс за галсом совершал тральщик, вытраливая мины, словно заботливый хозяин очищал поля от сорной травы.

— Взрыв мины за кормой, — доложил с юта старшина 1 статьи Мамаев.

Опасность подстерегала корабль на каждом шагу. Но командир был уверен — наблюдатели смотрели зорко, своевременно докладывали о всем замеченном.

Наступил вечер. Траление закончилось, командир приказал выбирать трал. Командир боевой части, руководивший выборкой трала, [illegible] скомандовал Косинскому:

— Стоп выбирать!

Выюшка мгновенно остановилась.

Метрах в десяти от борта в трале, старший лейтенант Доманенко заметил мину. Трал был снова стравлен, корабль дал ход [illegible] и подрезанные мины всплыли на поверхность. Только отличное знание своего дела, быстрые и умелые действия старшего лейтенанта Доманенко и минеров избавили корабль от грозившей ему большой опасности.

Много дней шла эта трудная и опасная работа по очищению [illegible] мин. Моряки тральщика по праву считают себя хозяевами фарватеров. Каждый [illegible] чувство гордости у [illegible] создавали условия для безопасного плавания [illegible] кораблей.

Особенно много [illegible] поработали минеры. По целым дням они [illegible] тралении, по вечерам, а иногда и по ночам ремонтировали тралы и механизмы.

Командование [illegible] заслуги [illegible] моряков тральщика [illegible] старшину 1 статьи Дегтярева, старшину 2 статьи [illegible] инженер-[illegible] Василь-

ева, Глотова, Салахеева и многих других орденами и медалями.

Мина уничтожена

Шторм затруднял наблюдение за морем. Но зоркие глаза сигнальщиков катера и при плохой видимости умели замечать все, что делается кругом.

— Левый борт, курсовой... плавающая мина, — доложил рулевой Скобло.

«Мину нужно бы расстрелять», — было первой мыслью командира. Но катер сильно болтало, и потребовалось бы слишком много времени и боезапаса. «Лучше подорвать», — решил командир.

— Кто пойдет добровольно на подрыв мины? — спросил он.

Желание изъявил весь экипаж. Командир отобрал двух бойцов: на весла — старшину 2 статьи Скобло, подрывником — старшего краснофлотца Новикова.

— Спустить шлюпку!

Боцман Ландин быстро исполнил приказание.

Минер Новиков, внимательно выслушав приказ командира, ответил:

— Есть! Будет выполнено! — и спрыгнул в шлюпку.

— Желаем успеха! — послышались голоса товарищей.

Шлюпку, как скорлупу, бросало на волне, но рулевой Скобло ловко работал веслами. Когда до мины осталось метров десять, Скобло развернул шлюпку и, придерживая ее веслами, тихо стал подходить кормой. Минер Новиков, протянув руки, уперся в мину.

Огромная мина обросла ракушками, и Новикову стоило больших трудов закрепить патрон. Наконец, шнур был подожжен. Скобло налег на весла, шлюпка быстро пошла к катеру.

Раздался огромной силы взрыв.

Когда Скобло и Новиков ступили на палубу катера,

старший лейтенант Баклов крепко пожал им руки и сказал:

— Молодцы!

Минер Иван Никулин

В вагонах на станциях в ожидании поездов подружились 25 черноморцев, возвращавшихся из госпиталей в свои части. Они дрались с врагом во многих районах. Минер Иван Никулин, например, был на Днестре, защищал Одессу, Херсон, Крым. Умываясь на одной из станций, Никулин снял тельняшку. Почетные боевые рубцы покрывали его тело.

— Здорово, брат, они тебя искромсали! — сказал комендор Филипп Харченко.

— Да и я немало угробил гадов, — ответил Никулин. — Но счет не закрыт, коль я жив...

— Сами так думаем.

Боль от многочисленных ран, полученных в боях, страшные вести из родных мест, занятых врагом, разжигали ненависть, звали к беспощадной мести.

Пулеметчик Захар Фомичев в госпитале получил письмо от жены. Много раз читал он его в кругу своих друзей, чтобы и они узнали о той боли, которая щемит его душу, о гневе, который кипит в крови.

Моряки подъезжали к фронту. Вдруг поезд, в котором они ехали, резко затормозил и остановился. В пяти метрах от паровоза кончались рельсы. Дальше путь был разбран.

Иван Никулин выглянул из теплушки. Из лесочка, стреляя на бегу, выскочили фашисты.

— Братва! Немцы!

— Что же будем делать? — раздались голоса встревоженных бойцов.

— Драться будем, — ответил минер

— А чем? Хоть бы ружьишко какое дл пару лимонок!

— Доглядим!

Отойдя от дверной щели, Никулин спросил:

— Все знаете меня?

— Все!

— Верите?

— Верим.

— Тогда приказываю: ложись — и ни звука!

Бойцы замерли. Смолкла и стрельба. Слышно было только, как возле поезда суетились немцы. Грохали двери вагонов. Офицер визгливым голосом отдавал какие-то распоряжения. В вагонах лежали боеприпасы. Их ожидал фронт. Моряки думали: как спасти состав?

Немцы приближались к вагону моряков.

— Откроют дверь вагона, — прыгай гадам на головы и души руками, — приказал Никулин. — Кто захватит оружие, выдвигайся вперед и бей по другим фашистам.

Дверь распахнулась, и в теплушку ворвались первые гитлеровцы.

Краснофлотцы, ногами и кулаками приканчивали первых восемь бандитов.

Вооружившись трофейными автоматами и гранатами, Иван Никулин с группой других бойцов сбили еще 17 гитлеровцев. К убитым немцам подползли моряки, не имевшие оружия, и включились в бой. Под прикрытием нескольких станковых пулеметов, остервенело бивших из леска, гитлеровцы стали отходить от состава. Пробираясь к паровозу, наводчик Василий Крылов заметил группу немецких автоматчиков, вскочивших с двумя пулеметами в открытый железный пульман. Гитлеровцы намеревались ударить морякам в спину. Подобравшись к пульману, Крылов бросил гранату, а затем вскочил в вагон. Три немца были убиты, четверо тяжело ранены. Двое с вытянувшимися от страха лицами стояли, подняв вверх руки. Возле них лежали семь автоматов, два неправных пулемета и много патронов.

Крылов позвал на помощь бежавших за ним Фомичева и Жукова, быстро установил на пульмане оба пулемета и точным огнем подавил немецкие пулеметы, стоявшие в лесу. Через 20 минут бой затих. Вражеская банда была разгромлена.

Вместе с поездной бригадой моряки восстановили разрушенный путь. Им помогали колхозники из ближайшего села. В полдень поезд ушел по назначению. В рапорте, спрятанном раненым машинистом на груди, Иван Никулин сообщал военному коменданту ближайшей станции:

«В урочище К. противник высадил воздушный десант. В 12 ч. 40 м. немцы, взорвав полотно железной дороги, пытались захватить эшелон с боеприпасами. Моим отрядом истреблено 68 автоматчиков, взято в плен 12. Остальные рассеялись по плавням. Потерь не имею. Оружием обеспечен. Веду преследование врага».

Истребительный отряд под командованием минера Ивана Никулина начал боевую работу. Комиссаром отряда стал коммунист Василий Клевцов. Он вел себя в бою мужественно и бесстрашно. На его личном счету уже было 7 убитых солдат и офицеров, 4 раненых и 7 пленных.

К вечеру пленные фашисты указали место высадки воздушного десанта. В овраге моряки нашли 106 парашютов, ящики с боеприпасами, восемь станковых пулеметов, много гранат, ракет и две походные радиостанции.

Неожиданно в воздухе появился немецкий самолет-разведчик. Он кружил очень низко над лесом, видимо ожидая каких-то сигналов. Командир и комиссар отряда приказали выложить посадочные знаки, найденные вместе с парашютами. Разведчик, сделав еще два захода, ушел на запад, а оттуда появилось звено «Ю-52».

Моряки, разбившись на четыре группы по шести человек, заняли позиции вокруг посадочных знаков. Первый «Юнкерс», коснувшись земли, подкатил прямо к копнам, где сидел в засаде Иван Никулин. Три точных пулеметных очереди, выпущенные в упор по «Юнкерсу», зажгли

моторы и плоскости. Из самолета в панике начали выпрыгивать фашисты, — они тут же падали, скошенные метким огнем моряков.

Победа казалась обеспеченной. Но вдруг от самолета отделился танк. Шлепая гусеницами, он двигался на копны, ведя шквальный огонь из орудия и пулеметов. Малейшее промедление — и моряки были бы раздавлены. Никулин выбежал вперед и бросил связку гранат. Она попала в правую гусеницу. Танк закрутился и стал. Вторая связка гранат полетела в орудийную башню. Она замолчала.

В это время шла горячая схватка и на участке комиссара Василия Клевцова. В момент посадки второго «Юнкерса» краснофлотцы перебили ему шасси, и самолет завалился набок. От сильного удара заклинилась орудийная башня танка и погибли летчики. Но некоторым фашистам все же удалось выпрыгнуть из кабины. Ведя огонь, они стремились дать возможность другим выбраться из самолета. Клевцов приказал краснофлотцам Коновалову и Серебрякову взорвать «Юнкерс». Бойцы поползли к самолету, но были убиты. Тогда комиссар сам решил выполнить задачу. Он по-пластунски переметнулся через бугорок и пополз к цели. Пули немецких десантников сбили пилотку, срезали полевую сумку, в нескольких местах пробили бушлат, две обожгли левое плечо, две застряли в ногах. Клевцов чувствовал, что с каждой минутой уходят силы, но, не выпуская из рук гранаты и пистолет, продолжал двигаться вперед.

Стало совсем темно. В нескольких метрах впереди комиссара мелькнула тень. Клевцов нажал на спусковой крючок пистолета. Фашист свалился на землю. Потом раздался оглушительной силы взрыв. В ночную темь поднялся фонтан огня с обломками «Юнкерса» и телами гитлеровцев. Комиссар погиб, взорвав самолет.

По-другому развернулись действия групп Захара Фомичева и Николая Жукова. Десантники третьего немецкого

транспортного самолета поняли безнадежность борьбы и полностью сдались в плен.

Утром хоронили комиссара Клевцова, бойцов Коновалова и Серебрякова. У могилы плотным кольцом стояли моряки. Говорил командир:

— Мы вступили в бой с голыми руками, дрались с немцами одним кулаком. Но мы победили. Теперь у нас есть оружие. Так заставим фашистов заплатить сотнями своих голов за смерть трех наших героев.

Шли дни. Отряд Ивана Никулина, отрезанный от основных наших сил, рос и укреплялся. В него шли все, кто был способен носить оружие, кому была дорога родина. К героям-морякам пришло еще двести бойцов, в борьбе с врагом готовых на все. Они громили немецкие тылы, беспощадно истребляли гитлеровское зверье.

Пробиваясь к своим, отряд наскочил на крупное вражеское соединение, готовившееся форсировать реку. Моряки решили сорвать операцию фашистов и, несмотря на неравенство сил, завязали бой. Немцы бросили против маленького отряда артиллерию и много танков. На центр отряда, где находился Иван Никулин, мчались десять тяжелых машин. Они шли лентой по узкой лощине.

Минер Иван Никулин совершил бессмертный подвиг. Обвязавшись гранатами, он бросился под ведущий танк. Машина взорвалась. На нее наскочили задние, врезались друг в друга. Выскочившие из танков фашисты были истреблены пулеметным огнем.

Ровно сутки группа, возглавляемая моряками, вела бой с целым соединением фашистов. Советские воины несколько раз ходили в контратаку, дрались смело, храбро, до последнего дыхания. Смертью героев погибли в этом бою 22 моряка-черноморца. У каждого из них хранилась на груди записка: «Умер коммунистом». Они выполнили до конца свой долг перед родиной.

Иван Никулин, Василий Клевцов, Филипп Харченко, Захар Фомичев, Василий Крылов, Николай Жуков, Конова-

лов и Серебряков! Родина не забудет вашего подвига! Она узнает имена ваших 17 товарищей, дравшихся с вами плечо к плечу и пока еще неизвестных. Народ сложит в вашу честь песни. И советская Кубань, очищенная от гитлеровских банд, вновь зацветет пшеничными колхозными полями. В заново построенных станицах и селах, в сердцах свободных, счастливых советских людей будет жить память о подвигах и славе доблестных моряков отряда минера Ивана Никулина.

Герои Константиновского равелина

У входа в Севастопольскую бухту, на левом мысу, стояла древняя крепость — Константиновский равелин. Каждый моряк знал эту крепость. Здесь на металлической мачте взвивался флаг, разрешавший или запрещавший вход в голубую бухту.

Гарнизон Константиновского равелина в последние дни июня 1942 года выдержал трехдневный бой, изумив своим упорством и стойкостью даже видавших виды защитников Севастополя.

В рядах этого гарнизона сражались комиссар Кулинич и минер Черноморского флота Алексей Зинский.

Последние дни Севастопольской обороны. Жаркие бои не утихают уже месяц. Немцы, не считаясь с потерями, рвутся вперед. Город превращен в руины.

Немцы вышли на северные укрепления и прямой наводкой стали простреливать город.

Немцев было больше в несколько раз, у них были танки, самолеты, тяжелая артиллерия. Но прочны были стены старой крепости, а ее защитники были крепче стали.

Моряки сдерживали натиск врага, не давали ему прорваться к равелину. Много раз пьяные орды немцев переходили в атаку, но неизменно откатывались назад, неся большие потери.

— Стоять насмерть, ни шагу назад! — приказал командир гарнизона капитан 3 ранга Михаил Евсеев.

И краснофлотцы стояли. Никто не шагнул назад, не отступил без приказа. Они были верными сынами своего отечества.

Командование решило эвакуировать гарнизон равелина, так как поставленная перед ним задача — удержать и сковать врага на левом фланге Севастопольского фронта — была выполнена. Командир вызвал к себе минера Зинского и поручил ему в точно назначенное время взорвать равелин.

Всем защитникам равелина было приказано перебираться вплавь на южный берег бухты.

В этот момент из-за Северной косы появились две шлюпки с немецкими автоматчиками, которые открыли огонь по плывущим морякам. Минер Зинский вместе со своим комиссаром Кулиничем открыли огонь из автоматов и заставили шлюпки повернуть обратно.

В крепости осталось два человека: Зинский и Кулинич.

Часы показали установленное для взрыва время.

—Исполнить! — приказал военком.

Зинский пошел в подвал, где заранее была заложена взрывчатка, и поджег шнур.

Зинский слышит голоса немцев во дворе равелина. Его руки сжимаются.

— Взлетите, мерзавцы, на воздух. Севастопольцев просто так не возьмешь!

— Исполнено! — доложил он военкому.

Кулинич поцеловал минера и сказал:

— Плывите и скажите нашим, что задание выполнено.

Зинский прыгнул в воду и поплыл. Немецкий автоматчик, заметив его, открыл огонь.

Моряк нырял, всплывал, чтобы набрать воздух, и вновь нырял. Когда он достиг середины бухты, грянул взрыв. Огромные глыбы камней, пыли и огня взлетели

...ко к небу. Находившиеся там немцы нашли свою смерть под обломками старой черноморской крепости.

Почин и товарищ Кулинич.

После этого минер Зинский стал служить на одном из черноморских кораблей. На груди у него сиял орден Красного Знамени.

Отвага и мастерство

Отважно и умело действовал в боях личный состав катерных тральщиков, участвовавших в операциях по содействию десанту.

Командир отделения минеров КТЩ-403 старшина 2 статьи Н. С. Сюрьвасев при погрузке и разгрузке тральщика, при эвакуации раненых бойцов проявил инициативу и смекалку, своим примером увлекал весь личный состав. Огнем пулемета он отбил атаку шести пикирующих бомбардировщиков Ю-88.

Минер КТЩ-409 краснофлотец Н. Д. Шумилов пулеметным огнем несколько раз бесстрашно отбивал атаки самолетов противника. Шумилов не покинул боевого поста даже тогда, когда осколками вражеских бомб ему оторвало кисть левой руки. Когда кончился бой, Шумилов сказал окружившим его краснофлотцам: «Поправлюсь, все равно одной рукой буду уничтожать врагов».

Бесстрашно вел себя в бою командир отделения минеров КТЩ-406 старшина 2 статьи Г. М. Байбородин. Когда был убит командир катера старшина 1 статьи Сергеев и снарядом сбило флагшток с флагом, Байбородин быстро поднял новый флаг и принял командование кораблем.

* * *

Во время боевого траления командир отделения минеров Терентьев подвел подрывной патрон к затраленной мине и зажег бикфордов шнур. До взрыва оставались считан-

ные минуты, но заглохший мотор катера никак не заводился. Катеру и его экипажу грозила неминуемая гибель. Тогда Тормышев снова подошел к мине и буквально за несколько секунд до взрыва сорвал шнур и этим предупредил взрыв. Когда катер отошел, мина была уничтожена. В другой раз Тормышев, плавая на гвардейском тральщике, смело разоружил вражескую мину нового образца. Это задание мог выполнить только человек с сильной волей и прекрасным знанием своего дела. Тормышев неоднократно проявлял эти качества. Правительством он награжден орденом Красной Звезды.

При выполнении боевой операции под кормой тральщика взорвалась мина. Силой взрыва выбросило за борт командира БЧ-III. Находившийся в то время на корме командир отделения минеров Андрей Федорович Батырев тоже был смыт волной за борт. Сильный и ловкий минер вынырнул из ледяной воды и быстро поднялся на корабль. Мокрый, в замерзшей одежде Батырев бросился к шлюпке, спустил ее на воду и спас своего командира. Военный совет флота наградил Батырева медалью «За отвагу».

24 декабря 1941 г. эсминцы «Грозный» и «Сокрушительный» вышли в море, чтобы прикрыть отряд кораблей от возможного набега легких сил противника.

Погода была свежая. К вечеру сила ветра достигла 9 баллов.

На эсминце «Грозный» волной было нарушено крепление глубинных бомб. Вырванная водой из стеллажей бомба упала за борт и взорвалась. Через некоторое время сорвало еще две бомбы. Крепление оставшихся в стеллажах бомб ослабло, создалась опасность, что они

будут рваться на палубе. Необходимо было быстро разрядить бомбы и закрепить их в стеллажах. Главный старшина торпедистов Холин, краснофлотец торпедный электрик Деров и краснофлотец Преловский в сложных условиях выполнили это задание.

Самую опасную и трудную работу произвел краснофлотец Деров. Лежа в воде, он вывинчивал взрыватели. Два раза его смывало водой за борт. Но товарищи, державшие его на конце, спасли мужественного моряка. Ни шторм, ни угроза взрыва бомб не остановили Дерова и его товарищей от выполнения приказа.

* * *

30 октября 1942 г. вражеские самолеты подвергли ожесточенной бомбардировке ТЩ-81 КБФ. Дважды раненный минер Никитин заменил убитого пулеметчика и огнем пулемета отбивал атаки врага до тех пор, пока не потерял сознание. Мужественный поступок Никитина воодушевил краснофлотцев, и атаки самолетов врага были отбиты. Тральщик с ценным грузом пришел в базу.

* * *

Комсомолец-минер Василий Трещалов, поднося снаряды, был ранен в голову. Кровь заливала ему глаза, но минер остался на боевом посту. Трещалов вторично был тяжело ранен, но и после этого не пошел на перевязку. Когда на мостике корабля возник пожар, Трещалов бросился туда и стал тушить пламя.

* * *

Один из кораблей Краснознаменного Балтийского флота получил задание провести минную постановку.

Шторм так сильно качал корабль, что было невозмож-

но стоять на ногах. Тогда минер старший краснофлотец Крылов долгие часы ползал по качающейся палубе от мины к мине и готовил их к постановке.

Все мины были поставлены точно в срок в заданном районе.

Военное счастье

Лодка Столбова вышла в первый боевой поход.

У торпедных аппаратов несли вахту Бахтиаров и Ивашев. Стрелка на приборе управления стояла неподвижно, переговорная труба молчала. Бахтиаров сказал как-то:

— Знаешь, еще не верится даже, что в аппарате лежит не учебная, а боевая торпеда.

Люди ждали первой встречи с врагом, совсем не представляя себе, как должно все это произойти.

И вот через несколько дней в отсеке, где несли вахту Бахтиаров и Ивашев, на приборе внезапно прыгнула стрелка, из переговорной трубы послышался приглушенный голос командира. В отсек вбежал лейтенант Захаров.

Открывая ординарный клапан, Ивашев спросил:

— Что там, товарищ лейтенант?

— Транспорт, — отозвался Захаров, — и, кажется, большой.

Лейтенант волновался не меньше, чем оба торпедиста. Ведь это был его первый боевой залп.

Корабль на полной скорости разворачивался для атаки.

Новый прыжок стрелки. Ивашев потянул рычаг.

Захаров крикнул в переговорную трубу и не узнал своего голоса:

— Торпеды вышли!

Толчка почти никто не заметил. Захаров поймал себя на привычной мысли, которая приходила всякий раз на

учебных стрельбах: «Холодная или горячая?» Но тогда, чтобы узнать, горячей ли вышла торпеда из аппарата, нужно было бежать на центральный пост, расспрашивать, какой след виден был после залпа. А теперь ответ донесся в отсек через полминуты: все услышали звук взрыва, — значит, торпеда поразила цель.

Уже во втором походе лодка была атакована глубинными бомбами врага. В том же походе появилась в рубке пробоина, которую в шутку назвали «дыркой имени Сорокина». Сорокин был вахтенным командиром и стоял у рубки, когда из-за облаков внезапно вынырнул фашистский самолет. Вахтенный прыгнул к люку, подал команду срочного погружения, но не успел еще занести ногу над люком, как раздался выстрел автоматической пушки. Малокалиберный снаряд пробил обшивку там, где только что была голова старшего лейтенанта Сорокина. Но лодка быстро ушла на глубину.

Особенно запомнилась подводникам пятая по счету атака. В этот раз многие сумели увидеть своими глазами результаты удачного залпа. Огромный торпедированный транспорт ломался на куски и долго тонул. Люди, находившиеся в центральном посту, один за другим подходили к перископу и не могли удержаться от возгласов восторга. Но через некоторое время целая орава вражеских катеров с тральщиком во главе бросилась на поиски лодки. Оглушительные взрывы бомб сотрясали корпус. Три часа продолжалась бомбежка, и временами казалось, что бомбы рвутся у самых бортов лодки.

Люди были спокойны. Даже когда после одного особенно сильного взрыва в жилом отсеке погас свет, в кромешной тьме вдруг раздался знакомый веселый голос: «Хлопцы, «какава» готова!» Вскоре зажглись лампочки, и все увидели Марченко с подносом, уставленным кружками.

Один из походов принес подводникам сразу три победы: они потопили два вражеских транспорта и тральщик.

Вслед за этим экипаж перенес испытание, которое не могло сравниться ни с чем пережитым раньше. Далеко в неприятельских водах лодка потеряла ход. Понятно, чем это могло грозить кораблю и экипажу. Но ни один человек на корабле не приуныл. Моторист Новак вместе со Степаненко и Чернавцевым после долгих трудов исправили повреждение и доложили в центральный пост:

— Дизель работает на винт!

Снова победили мужество и умение. Лодка пошла вперед на поиски врага.

И когда на подводном корабле заходит разговор о военном счастье, все сходятся на том, что никакого военного счастья нет, а есть боевая выучка, закалка, отвага.

В набеговой операции

На корабле у всех чувствовались напряженность и взволнованность. Больше всех волновались торпедисты. Перед лицом всего флота они держали серьезный экзамен.

Старшина торпедных электриков мичман Дорощук не мог спокойно усидеть на месте. Снова и снова проверял он вверенное ему оружие.

— Так и есть, — говорил Дорощук, — не горит лампочка прибора центральной наводки. Исправить и доложить, — приказывает он бойцам.

— Докачать воздух в торпеды, — командует старшина торпедной группы Иван Кузь.

Командир поеживается на мостике. Холодный ветер, усиливаемый ходом, жжет щеки, забирается под воротник.

Густой туман уменьшает видимость.

В час, когда на кораблях, оставшихся в базах, начинались судовые работы и занятия по специальности, наблюдатели обнаружили силуэты транспортов противника.

— Аппараты. Левый борт. Товсь!

С начала войны ждали этой команды торпедисты корабля, и первым выпала честь выполнить ее Корешкову и Иванову, Кисанову и Малиновскому.

В это время, разрывая утреннюю тишину, грянули залпы корабельных орудий. Это действовали товарищи минеров — комендоры Бордюг, Дементьев и другие.

И сразу же с внезапно открывшейся береговой черты заблистали огни ответных выстрелов. Отвечали корабельные и береговые батареи противника.

Но командир под огнем вел свой корабль на сближение с транспортом противника. Текли секунды, артиллерийская дуэль продолжалась. Снаряды рвались у борта, руки наводчиков торпедных аппаратов лежали на револьверных рукоятках, но приказания о залпе не было. Две минуты под огнем неприятеля продолжалось сближение, и лишь тогда, когда была полная уверенность в том, что торпеды попадут в цель, послышалось:

— Залп!

Сжатый воздух с шипеньем вырвался из баллонов и вытолкнул торпеды из труб аппаратов. Корабль вздрогнул всем корпусом. Всплески залили палубу.

Торпеды устремились к цели. На мостике ясно было видно, как две торпеды дошли до кормы транспорта. Раздался взрыв. Транспорт сел на корму. Крики восторга раздались на палубе нашего корабля.

Снова торпедный залп... Второй транспорт переломился пополам и окутался клубами черного дыма.

Три катера-охотника испуганно метались возле тонущих судов. Автоматы Ткаченко, Сучилина и других огненными трассами пронизывали катера. Два из них затонули на глазах наших моряков.

В это время старшина торпедистов Кузь с правого борта увидел перископ подводной лодки противника.

Кузь схватил винтовку и трассирующими пулями указал комендорам направление. Ударила пушка мичмана

Королева. Перископ немедленно скрылся и больше не появлялся.

Случай в походе

После нескольких дней пребывания на позиции подводная лодка всплыла. На поверхности моря бушевал осенний шторм. Качка была настолько сильной, что подводники с трудом держались на ногах. Вдруг через горловину нижнего торпедного аппарата в первый отсек хлынула вода. При каждом ударе волны она врывалась с такой силой, что грозила затопить весь отсек.

На вахте у торпедных аппаратов стоял в это время опытный подводник краснофлотец Абрамов. На мгновение он оторопел. Нетрудно представить его положение: никто не знал, в чем дело. Вода хлестала через горловину торпедного аппарата, открытую для подкачки воздуха в торпеду. Абрамов бросился к аппарату. Ледяная вода сбивала его с ног, но краснофлотец сделал свое дело: перекрыл горловину. Поступление воды прекратилось.

В чем дело? Почему вода хлынула через горловину торпедного аппарата? На эти вопросы трудно было дать точный ответ. Как видно, от удара волны ось волнореза выскочила из своего щита. Последний освободился, прижался к борту и отжал переднюю крышку торпедного аппарата. Могло быть и так, что переднюю крышку отжал сам волнорез, сломавшийся от удара о какой-нибудь предмет.

Никто не знал, как широко отжата передняя крышка. А знать это было необходимо. Если крышка отжата широко, то при движении лодки в горловине аппарата могут образоваться завихрения воды, которые заставят вращаться вертушку лобового ударника торпеды, и при малейшем ударе торпеда взорвется. Надо обязательно проверить состояние передней крышки и, если возможно, устранить повреждение.

Командир внимательно посмотрел на главного старшину Федора Фокина:

— Возьмите с собой Малявкина и проверьте, что произошло. Не забудьте захватить спасательные приборы.

Чтобы выполнить приказание командира, торпедистам нужно было проникнуть в носовую надстройку. Подводники знают, с какими трудностями и опасностью это связано в штормовую погоду. Лодка находится на позиции. В любую минуту могут появиться вражеские дозорные корабли, самолеты. В этом случае командир не сможет ждать возвращения двух моряков в лодку, он уйдет на погружение.

Чтобы облегчить работу торпедистам, командир сделал небольшой дифферент на корму. Фокин и Малявкин надели резиновые комбинезоны, взяли необходимый инструмент. Сначала захватили и спасательные приборы, но затем отказались от них, так как они мешали работать.

В надстройку спустился Малявкин. Он с трудом открыл первый лаз. Но как ни старался, не мог осилить второй, который вел к площадке нижнего торпедного аппарата. Волна, проникая в надстройку, накрывала Малявкина. Тогда спустился Фокин. Работать приходилось на ощупь, по шею в воде. В эти минуты торпедисты забыли об опасности, которой подвергались: покажись немецкий катер или самолет — и лодка уйдет под воду, а они останутся за бортом. Наконец, Фокину удалось открыть второй лаз и проникнуть к волнорезному щиту. Здесь все было заполнено водой. Главный старшина с трудом нашел повреждение. Волнорез был сломан и вогнут внутрь. При этом он отжал переднюю крышку и вода свободно поступала в торпедный аппарат.

С помощью лома Фокин попытался выравнять волнорез. Он не поддавался. Тогда на помощь пришел Малявкин. В тот момент, когда волна отрывалась от лодки, Малявкин кричал: «Волна!» — и торпедисты жали на

лом, как на рычаг, Малявкин за верхний конец, Фокин за середину. Таким способом мужественным морякам удалось слегка выравнять изгиб волнореза. От этого передняя крышка немного подвинулась и частично закрыла отверстие. Большего сделать не удалось. Но и то, что сделали Фокин и Малявкин, было победой. Теперь вода, попадая в торпедный аппарат, не давала завихрений, способных сдвинуть вертушку лобового ударника торпеды. Опасность миновала.

Лодка продолжала плавание.

На боевом посту

Торпедист Артем Демко находился у своего заведывания, когда лейтенант Холодный передал: «Торпеды, товсь!»

Известно, что в таких случаях торпедисту положено ответить: «Есть торпеды товсь!» Но ответа не последовало.

Тогда на корму побежал боцман Зайцев и над самым ухом крикнул торпедисту: «Торпеды, товсь!»

Демко с окровавленным лицом склонился возле своих торпед и едва слышно ответил:

— Передайте командиру: «Есть торпеды товсь!»

Оказывается, осколок немецкого снаряда ранил торпедиста прямо в лицо. Но Демко продолжал делать свое дело. Он во-время вытащил предохранительные чеки, и торпеда в нужный момент ушла в цель — в борт фашистского транспорта.

Мощный торпедный удар

...Надписи на торпедах подводников были исполнены ненависти к врагу. «Смерть фашизму!» — написал торпедист Штамбург. «За Минск!» Это — радист Базанов. Он не из Минска. Он слышал, что там немцы

открыли дом терпимости и загнали туда наших девушек. Пусть за это идет торпеда!.. «За Харьков!» Это — торпедист Глухарев, он с Украины. «За Старую Руссу!» Это по просьбе доктора — там осталась его жена.

За то, что каждому дороже жизни, пойдут торпеды подводной лодки. «За Родину!», «За Сталина!» — это написано на всех. «За нашу победу!»

Торпедисты не отходят от аппаратов — в любую минуту возможна встреча с врагом.

Подводная лодка вблизи вражеских берегов. Лунин приказывает всплыть под перископ. Боцман Соловей в центральном посту быстро перекладывает горизонтальные рули. Он опытный горизонтальщик — «десять лет по этому делу», прирожденный моряк.

Командир оглядывает в перископ горизонт, внимательно осматривает поверхность воды. Все наблюдают за ним, за выражением его лица. Ничто пока не привлекает внимания командира, значит, горизонт чист...

Но Лунин на секунду задержался на одном месте и пристально вглядывается. Что там?

— Большой транспорт! — быстро говорит он. — И сторожевой корабль.

Подводная лодка погружается ровно на столько, чтобы скрыть перископ и снова поднять его, когда понадобится. Тут все зависит от искусства боцмана Соловей.

Вахтенный командир Ужаровский пробегает по отсекам к торпедистам.

— Торпедная атака!

Возбуждение охватывает всех. Торпедисты у аппаратов. Через переговорную трубу отдаются приказания. Весь отсек охвачен неукротимым, страстным желанием боя.

Ужаровский, глядя на секундомер, хрипло выкрикивает: «Первый — пли! Второй — пли!..» Торопцев каждый раз рвал на себя спусковой рычаг, потом раздава-

лось тягучее шипение, палуба в отсеке вздрагивала под ногами, и мысль была у всех одна: «Только бы не промахнуться! Только бы попасть! Только бы потопить!» А потом донеслись далекие, гулкие взрывы, и все в отсеке облегченно вздохнули — торпеды попали в цель.

Снежный заряд скрывает место взрыва. Сторожевик врага не преследует подводной лодки. Он шел совсем рядом с транспортом, и Лунин рассчитывал одним залпом уничтожить и его. Должно быть так и случилось, потому что на море пустынно, и лишь несколько позже спикировал из-за облаков самолет, — видимо, посланный в погоню, — и сбросил несколько бомб, упавших далеко от цели.

Бесговой Воробьев, гремя посудой, накрывает на стол в кают-компании. Пора обедать.

К обеду собираются командиры, возбужденные только-что проведенной удачной атакой.

— Ну-с, отпразднуем победу и день рождения командира трюмных, — говорит Лунин.

Воробьев приносит с камбуза подарок кока Чистякова — именинный пирог с инициалами.

После обеда все расходятся по местам. В отсеке торпедистов уже кипит работа, после сегодняшнего залпа снова заряжаются аппараты. Густо покрытые смазкой торпеды медленно входят в трубы.

Лодка продолжала свой путь, направляясь на новую боевую позицию...

Мичман Крестин

Одиннадцать лет своей жизни отдал мичман Крестин родному флоту. И все одиннадцать лет он служит на подводных кораблях. За четыре года войны старшина группы торпедистов Крестин участвовал во многих бое-

вых походах. Залпами его аппаратов отправлено на дно Балтики шесть немецких кораблей.

В первые месяцы войны произошел случай, который запомнился Крестину на всю жизнь. Один из его торпедистов своим неосторожным обращением со стопором привел в движение механизм торпеды. Торпеда не вовремя вышла из аппарата и пропала впустую. После этого урока мичман еще больше стал уделять внимания обучению каждого торпедиста и подготовке материальной части. И труд его не пропал даром.

Высокая выучка торпедистов группы Крестина особенно ярко сказалась в одном из последних походов. Шесть залпов произвели торпедисты во время этого похода, и каждый раз торпеды шли точно в цель. За этот поход мичман Крестин был награжден орденом Красного Знамени.

Главный старшина учит торпедистов:

— Наш командир не ошибается. Вы сами в этом убедились. Но меткость залпа частично зависит и от нас: выполним точно команду — потопим врага, ошибемся — торпеды пройдут мимо, как бы ни были точны расчеты командира.

Торпедисты — воспитанники Крестина — старшина I статьи Соколов, старшие краснофлотцы Мошечкин, Тарасенко, краснофлотцы Лебедев, Щербин — хорошие специалисты своего дела. Они многому научились у своего старшины. Ни одной неисправности механизмов не допустили они в походе. Когда корабль вернулся из длительного похода, аппараты оказались в образцовой исправности. Однако торпедисты немедленно произвели тщательный осмотр и регулировку. «Хорошо работали аппараты в предыдущем походе — сделай все, чтобы в будущем походе они работали еще лучше», — так учит своих бойцов мичман Крестин.

Меткие торпедные залпы

Гвардии старшину 1 статьи Щукина с гвардейской подводной лодки «Щ-205» знают многие подводники. Выпущенные им торпеды всегда идут в цель. Если лодка выходит на позицию, Щукин думает лишь об одном: «Только бы не притти в базу с пустыми руками». Но когда случается, что подводная лодка возвращается с позиции без жестяной рыбки на своей сигнальной мачте, у торпедиста Щукина, как и у всех подводников, тяжело на сердце. Как-то он сказал товарищу:

— Легче пробыть на позиции вечность, чем возвращаться без удачи.

Однажды после долгого поиска лодка встретила камуфлированный транспорт и большую шхуну противника. Щукин сосредоточил все свое внимание на приборах аппарата, с нетерпением ожидая боевого приказа. Но к нему в отсек передали:

— Лодка идет на транспорт в артиллерийскую атаку.

Скоро он услышал артиллерийские залпы. А через несколько минут в отсек сообщили:

— Вражеские корабли уничтожены.

После атаки командир корабля успокаивал торпедистов:

— Ничего, товарищи, и вам будет работа.

И действительно, через несколько дней Захар Щукин своей торпедой взорвал и пустил на дно крупный вражеский транспорт.

Снова «Щ-205» шла на позицию. Захар Щукин подготовил торпедный аппарат. Прошла томительная и напряженная ночь. Под утро лодка стала погружаться. В это время вахтенный командир обнаружил еле заметную точку. Вскоре в ней опознали вражеский транспорт. Торпедисты оживились. Захар Щукин уже подготовил аппарат к залпу, как вдруг передали:

— На подлодку идут в атаку вражеские катера!

Лодка шла на сближение с транспортом противника, а навстречу ей стремительно мчались катера. Нервы были напряжены до предела. Все решали секунды, но подводники верили в свои силы, в свое оружие.

Когда катера находились в 6 кабельтовых от лодки, командир приказал:

— Пли!

Щукин дал залп. Торпеды пошли к цели. Загремели взрывы. Фашистские катерники повернули обратно.

Торпедами Захара Щукина в этот раз был потоплен фашистский транспорт водоизмещением в 8 тысяч тонн.

Мичман Шалом готовит торпеды

Мичман Яков Шалом зарекомендовал себя мастером своего дела еще в дни обороны Севастополя. Часто под непрерывной бомбежкой и обстрелом он со своими подчиненными доставлял со склада торпедное вооружение для катеров, устанавливал и регулировал сложные приборы.

Как одного из лучших специалистов Якова Шалома назначили минером базы. На новом месте мичману пришлось работать в тяжелых условиях. Здесь не было не только подземных тоннелей, но даже более или менее прочного навеса. Однако с трудностями считаться не приходилось, и Шалом работал, как всегда, — энергично, точно, умело.

Тончайшие механизмы торпеды требуют исключительного внимания. Не заметил малейшего налета ржавчины, допустил лишний полуоборот винтика — и торпеда пойдет мимо цели.

Трудолюбивый мичман замечал любую неисправность и непременно устранял ее. Лучшей оценкой работы минера были результаты торпедной стрельбы по вражеским судам. Капитан-лейтенант Кочиев, старший лейтенант Гурин и другие торпедами, приготовленными мич-

маном Шалом, потопили несколько судов противника.

В условиях Н-ской базы было трудно проводить мелкий ремонт торпед, и их приходилось возить за десятки километров в мастерские порта. Мичман Шалом нашел выход, — своими силами он оборудовал мастерскую.

Между двумя деревьями он укрепил железную балку, подвесил подъемные тали. Рядом соорудил козлы для разборки торпед, оборудовал стол для проверки сложных приборов. С тех пор мелкий ремонт торпед стали производить своими силами на месте. Средств и времени на ремонт благодаря рационализации торпедисты стали затрачивать намного меньше, а качество его никогда не уступало заводскому.

Торпедные катера подолгу находились в отрыве от базы. Не всегда можно было устранить неисправность в море. Поэтому мичман заботился о том, чтобы торпеды не подвергались воздействию соленой воды, не ржавели и не могли разрегулироваться.

Однажды задул норд-ост. Катера стояли на рейде. В торпедах начала замерзать вода. Мичман со своими бойцами сел в шлюпку и вышел на рейд. Чтобы освободить торпеды от воды, надо было отдать несколько гаек, которые в свою очередь обмерзали и плохо поддавались отвинчиванию. Часами работали минеры под руководством мичмана. Ни ледяные брызги воды, ни сковывавший руки холод не мешали им выполнить задачу.

Мичман Шалом неустанно совершенствует свою боевую выучку, регулярно проводит занятия со своими подчиненными, благодаря чему его торпедисты хорошо овладели техникой. Старшина 1 статьи Шишкин самостоятельно проверяет и регулирует сложные приборы. Свой опыт он передает краснофлотцам Писанко и Горелову. Образцово справляется со своим делом главный старшина Коняхин, награжденный медалью «За отвагу». Так работают все люди, которыми командует мичман Шалом.

Отлично действуют и торпеды, приготовленные им. Не было случая, чтобы хоть одна торпеда, выпедшая из склада или мастерской мичмана Шалом, не взорвалась или отклонилась от заданного курса, направленная к кораблю врага.

Моряк с «Минска»

...Враг подходил к Таллину. Не считаясь с огромными потерями, он рвался вперед к городу.

По приказу командования моряки с разных кораблей пошли на сухопутный фронт, чтобы преградить путь гитлеровским полчищам. В рядах морской пехоты был и Евгений Никонов.

Боевая схватка сводного отряда моряков с врагом произошла в пяти километрах от Пириты. Здесь Никонов открыл личный счет, застрелив несколько фашистов.

В разгар одного боя он был ранен, но об этом никому не сказал. Моряк продолжал мужественно сражаться с врагами. В дни затишья боевых действий Евгений Никонов много раз участвовал в смелых вылазках к переднему краю обороны немцев.

Однажды ночью Никонов с товарищами был назначен в разведку и не вернулся обратно.

Что с ним стало? Где застрял смелый разведчик? Никто в отряде не знал этого.

Ждать ответа на эти вопросы пришлось недолго. Стояла тихая ночь. И в этой тишине с вражеской стороны донесся сильный, хотя и придушенный голос. Два слова, только два слова уловили балтийские моряки:

— Товарищи, отомстите!

— Мы поднялись, — рассказывает старший лейтенант Григорий Шевченко. — Мы поняли, что эти слова могут принадлежать только нашему советскому человеку. Впереди пылали пожарища. Горела окраина деревни, где уже находились передовые группы гитлеров-

цев... С криками «полундра!» мы прорвались к окраине деревни. Немцев там было еще немного, и нам удалось выбить их с позиций...

Когда рассеялся дым пожарища, в холодном лунном свете глазам моряков представилась страшная картина. Моряки увидели того, чей голос донесся до подразделения, поднял моряков в атаку и привел к этому месту.

Среди костра в дыму и огне стоял столб. К столбу был привязан торпедист с лидера «Минск», наш разведчик Евгений Никонов. Он был предан сожжению, как жгли людей во времена инквизиции.

— Это был он, наш боевой товарищ и советский воин, — говорит его товарищ по лидеру краснофлотец Доронин.

На земле у костра лежала бескозырка. На ее ленточке надпись «Минск».

Что сделали с советским моряком проклятые немцы? Слушайте, товарищи и друзья!

На теле Евгения Никонова зияли кровавые раны. Гитлеровцы ножами изрезали тело моряка. Он молчал! Фашисты избивали моряка, выворачивали ему руки. Он молчал! Вся грудь его была залита кровью.

Тогда была придумана еще одна страшная пытка. Никонова за руки подвесили к столбу и стали жечь на большом костре.

Немцы наслаждались муками балтийца. Они ждали от него предательства.

Моряк молчал. Он был верен присяге, народу, родине.

Вот в эти последние минуты жизни и вырвались у него слова:

«Товарищи, отомстите!»

Никонов сам уже не мог мстить врагу. Он расставался с жизнью.

Когда моряки пришли к страшному месту пытки, ноги Никонова уже обгорели. Все его тело было в страш-

ных ранах и ожогах. Только блестела бляха с якорем, да как-то уцелели куски тельняшки, пропитанные горячей кровью моряка. Моряки застыли при виде этого страшного зрелища. Крепко сжимались их пальцы в кулаки.

Товарищи осторожно сняли со столба своего друга-балтийца. В лунную ночь по-фронтовому они похоронили Евгения Никонова.

Родина! Гордись своим сыном, который под страшными пытками оставался верен твоему наказу, был до конца своей жизни хорошим воином.

На могильном холмике Евгения Никонова моряки оставили его бескозырку с надписью «Минск».

Снимите шапки, товарищи! Почтите память славного моряка с «Минска» — Евгения Никонова. Он жил как воин и умер как честный сын нашей великой родины.

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом издал приказ, в котором говорится:

«В дни героической борьбы за город Таллин, в августе 1941 года, на сухопутном фронте погиб смертью героя краснофлотец торпедный электрик лидера «Минск» — Никонов Евгений.

Товарищ Никонов, будучи в разведке, был захвачен немецкими бандитами в плен. На допросе Никонов оставался верен присяге и Советской родине, после мучительных пыток был привязан к столбу и сожжен живьем, не сказав ни слова.

ПРИКАЗЫВАЮ

Для увековечения памяти героя-балтийца:

1. Первому торпедному аппарату лидера «Минска» присвоить имя Евгения Никонова.

2. На первом торпедном аппарате установить мемориальную доску с описанием подвига товарища Никонова.

3. Внести навечно в списки экипажа корабля торпедного электрика Никонова».

Память о верном сыне нашей отчизны будет вечно жить среди советских военных моряков.

Самоотверженный труд торпедистов

Старшина 2 статьи Николай Якушин — торпедист. И хотя он не вступает в единоборство с бурями, не разыскивает в море транспорты врага, не посылает их на дно торпедными залпами, Николай испытывает чувство гордости и удовлетворения, когда после многосуточного боевого похода подводной лодки в знак победы грохочут ее орудия. Каждый такой выстрел означает потопление фашистского транспорта. Счет их достиг тринадцати. Эти транспорты потоплены пятнадцатью торпедами, приготовленными руками Якушина и его подчиненных.

Приготовление грозного оружия — искусство, требующее большого опыта и умения. Часто эту работу приходится делать вдвое и втрое быстрее установленного срока. И тогда особенно ярко проявляются воля и мастерство Николая Якушина. Пусть сгущается ночная мгла, крутит метель, пусть ноют натруженные мускулы и глаза наливаются кровью от бессонницы, — торпеды во-время будут подготовлены и погружены на боевой корабль. Точно в срок отдаст он швартовые и уйдет в море, в бой.

Руки Якушина быстрыми, ловкими движениями ставят на место сердце торпеды — прибор Обри и, закрепив последний винтик, ложатся на плоскости горизонтальных рулей. Чуть-чуть заедает. На миллиметр перекошен стержень. Это ясно на ощупь. Исправить! Краснофлотцы Працко, Султанов, Нилов, Калягин стараются работать не хуже своего командира. Одобрительный

кивок его головы или редкое слово похвалы заметно поднимают их настроение.

На длинное тело торпеды ложится слой масла. На нем оранжевыми искрами дробится свет луны. Шумит по металлу ветошь. Стучат молотки. В темноте, всего в нескольких шагах, шумит прибой.

— На тали! — во всю силу легких кричит Николай. Звякают цепи. Торпеда поднимается вверх и темной тенью подходит к пирсу.

Николай с наслаждением всей грудью вдыхает морозный соленый воздух. Приказ выполнен. Рассвет. Короткий отдых. И снова хлопоты над следующей торпедой.

8462/4
Фундаментальная
Военно-научная

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории минного и торпедного оружия 3
Боевой счет открыт 10
Подвиг минера Буяльского 12
Минеры-севастопольцы 13
Боевое мастерство 16
Четыре ранения 17
Отважные моряки 20
Труженики моря 21
Подвиг двух минеров 25
На боевой вахте Сидоренко 26
Хозяева морских фарватеров 28
Мина уничтожена 30
Минер Иван Никулин 31
Герои Константиновского равелина 36
Отвага и мастерство 38
Военное счастье 41
В набеговой операции 43
Случай в походе 45
На боевом посту 47
Мощный торпедный удар 47
Мичман Крестин 49
Меткие торпедные залпы 51
Мичман Шалом готовит торпеды 52
Моряк с „Минска“ 54
Самоотверженный труд торпедистов 57

Редактор *А. Богина*

ГМ 201305 Заказ № 1705 Уч. - изд. № 707

1-я типо-литография УВМИ НКВМФ